

КАК РАССКАЗАТЬ О ГУЛАГЕ ЯЗЫКОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ: «ПРАВО ПЕРЕПИСКИ» В МОСКОВСКОМ «МЕМОРИАЛЕ»

Софья Чуйкина

Софья Чуйкина – социолог, кандидат социологических наук, преподаватель департамента славистики Университета Париж VIII, ассоциированный научный сотрудник Института социальных исследований политики (ISP) и Центра российских, кавказских и центрально-европейских исследований (CERCEC) в Париже. Адрес для переписки: Université Paris VIII–Vincennes, Département des études slaves, 2 Rue de la Liberté, 93526, Saint-Denis, Cedex 02, France. sofia.tchouikina@gmail.com.

В современной России музеефикацией мест заключения и памятью о репрессиях занимаются в основном негосударственные организации. Выставка «Право переписки», организованная НГО «Международный Мемориал» в Москве, посвящена общению политзаключенных советских лагерей и тюрем с «волей» в период с 1920-х по 1980-е годы. Специфика представленных экспонатов в том, что они хранились в семьях, а затем, начиная с 1990-х годов, передавались на хранение обществу «Мемориал». Первая часть выставки посвящена лагерям двадцатых годов и ГУЛАГу (1930–1956), вторая – политзаключенным послесталинского времени (1956–1986). Выставка вносит вклад в современные исторические и социологические дискуссии о ГУЛАГе. Анализ организации переписки проливает свет на дисфункции системы наказаний и показывает влияние ГУЛАГа на жизнь семей политзаключенных. Послание посетителю выставки расходится с основным трендом государственной исторической политики, нормализующей сталинский период.

Ключевые слова: историческая политика; историческая выставка; ГУЛАГ; лагеря и тюрьмы в СССР; переписка в СССР; сталинские репрессии; диссиденты; политзаключенные

В последние годы исследователи и общественные деятели стремятся обратить внимание на то, что тема тюрем, лагерей и террора советского периода недостаточно «проработана» российским обществом и государством, и что десталинизации в полной мере не произошло. Председатель правления Международного общества «Мемориал» Арсений Рогинский во многих интервью говорит о том, что государство недостаточно занимается сохранением памяти о жертвах советской системы, пере-

кладывая слишком многое на гражданское общество¹. Антрополог Элизабет Анштетт пишет об отсутствии политики патримониализации и музеефикации на местах лагерей (Anstett 2009). Историк Александр Эткинд привлекает внимание к тому факту, что ГУЛАГ запечатлен в «мягкой памяти», то есть в книгах и воспоминаниях, однако почти нет «жесткой памяти» – памятников и мемориалов, которые были бы знаком того, что повторения террора не случится (Etkind 2013). Алейда Ассман (2014), ссылаясь на исследование Ютты Шеррер (Scherrer 2006), указывает на более жесткое, чем в других странах, противоречие между государственной исторической политикой и проектами по изучению исторической памяти, осуществляемыми негосударственными организациями. Автор известной книги «Гулаг» Анн Эпплбаум возлагает ответственность за «непроработанность» трагического прошлого не только на российские власти, но и на все международное сообщество, мотивируя это тем, что репрессии советской эпохи были недостаточно осуждены влиятельными интеллектуалами, в отличие от преступлений нацизма (Applebaum 2003).

Выставка «Право переписки», организованная «Международным Мемориалом» в Москве (ул. Каретный ряд, д. 5/10), которая продлится до 4 мая 2015 года, побуждает к тому, чтобы в очередной раз обсудить вопросы, связанные с историей лагерей и с отношением общества и государства к этой теме.

Музеи и выставки, посвященные советским лагерям и содержавшимся в них политзаключенным, начали создаваться в России в конце 1980-х годов. Среди экспозиций мы находим очень разные по масштабу и институциональной принадлежности проекты. Это может быть одна витрина в краеведческом музее или целый музей, посвященный истории лагеря. Как отмечает Элизабет Анштетт, «за исключением Музея Колымы в Ягодном, который является частным музеем, и музея в Соловецком монастыре, находящегося в ведении областной администрации, все остальные музеи ГУЛАГа управляются негосударственными организациями» (Anstett 2009:147).

«Мемориал» – старейшая и самая известная из негосударственных организаций, занимающихся правозащитной деятельностью. Историко-просветительский отдел «Мемориала» осуществляет архивные исследования, занимается сохранением предметов лагерного быта, документов, произведений искусства, сбором интервью с бывшими заключенными и их потомками, изданием книг, организацией исторических выставок.

Музеефикация ГУЛАГа и подготовка выставок на эту тему осложняются тем, что места заключения находятся вдали от столиц и центров культурной жизни. Благодаря наличию региональной сети «Мемориалу» удается преодолевать эту проблему. Организуя в Москве выставки с использованием материалов из других городов (в данном случае – из Перми и Красноярска), доставляя в центр информацию из мест, где прежде были расположены лагеря, «Мемориал» тем самым дает доступ к этой информации широкой публике.

¹ Программа «Культурный шок», радио «Эхо Москвы», 13 декабря 2014 года, <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1454378-echo>; программа «Не так», радио «Эхо Москвы», 14 декабря 2013 года, <http://echo.msk.ru/programs/netak/1217425-echo>; программа «Именем Сталина», радио «Эхо Москвы», 14 августа 2010 года, <http://echo.msk.ru/programs/staliname/696621-echo>.

«Право переписки» имеет целью дать представление о режиме переписки в советских лагерях и о формах общения заключенных с «волей», практиковавшихся на разных этапах заключения. Здесь представлены письма, открытки, записки, написанные не только на бумаге, но зачастую на других, совершенно для посетителя неожиданных, носителях. Выставка охватывает период с 1920-х по 1980-е годы, не ограничиваясь только временем существования ГУЛАГа (1930–1956), но включая также предшествующее и последующие десятилетия.

В этом тексте мы предпримем попытку ответить на следующие вопросы: какую историю рассказывает эта выставка, какое послание публике она содержит, в чем специфика писем как источников информации о лагерном прошлом, и, наконец, каков научный, педагогический, идентификационный потенциал подобной выставки.

ПИСЬМА, ОТКРЫТКИ, ЗАПИСКИ, КСИВЫ И «ПУЛИ»: ЭПИСТОЛЯРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ЗОНОЙ И ВОЛЕЙ

По данным, которые приводит Никола Верт, в период с 1930 по 1953 год в СССР через лагеря прошло 20 миллионов человек (Werth 2009:28). Если включить сюда депортированных и спецпоселенцев, то цифра достигает 25 миллионов. Население СССР в 1953 году составляло примерно 188 миллионов, из этого следует, что порядка 10–13% населения страны имело опыт написания писем в лагере и передачи их на волю. А сколько людей имело опыт их ожидания, получения, чтения! Очевидно, что часть населения, писавшая, читавшая, видевшая, державшая в руках, оплакивавшая, хранившая в шкапулках, сжигавшая, выкидывавшая в помойку подобного рода письма является настолько существенной количественно, что социологи не могут не проявить живейшего интереса к этим памятным предметам. Итак, обратим внимание прежде всего на то, что тема лагерной переписки, которая кажется на первый взгляд достаточно узкой, экзотической и весьма «на любителя», на самом деле отражает опыт, имевшийся у значительной части советского населения, и демонстрирует артефакты, которые в свое время имелись во многих семьях, а возможно, хранятся в комодах и до сих пор.

Представленные здесь экспонаты являются комплексным корпусом документов, который можно использовать для исторического, социологического или антропологического исследования в той же мере, в какой можно использовать для этой цели архивный фонд. Это репрезентативный срез тех эпистолярных документов, которые представлены в архивах «Мемориала». Представленный корпус имеет одну важную особенность – это документы, которые сохранялись в семьях на протяжении всего советского периода, а затем были переданы владельцами в «Мемориал». Мы имеем дело с материалами, которые исходят не из недр самой системы наказания и не из государственных архивов, а именно от самих политзаключенных и членов их семей.

Как нередко отмечают исследователи ГУЛАГа, одна из проблем, с которой сталкиваются ученые, заключается в том, что, несмотря на обилие источников о ГУЛАГе, все они однотипны и неполны. Причем это касается как документов о функционировании системы, так и источников личного характера. По поводу функционирования ГУЛАГа как институции существует много документов, свидетельствующих об управлении лагерей из центра, отчетов местных бюрократов перед центральными, однако о жизни и

быте каждого конкретного лагеря сохранилось гораздо меньше свидетельств. Что касается личных документов, их тоже достаточно много, но они практически всегда имеют ретроспективный характер – это мемуары и художественные тексты, основанные на личном лагерном опыте и написанные через несколько лет после выхода из зоны.

Представленные здесь письма ценны и уникальны тем, что это источник личного характера, который был создан в тот самый момент, когда человек находился в заключении, а не годы спустя после него. К тому же, несмотря на цензуру, записки содержат большое количество фактографических сведений, бытовой информации и, помимо прочего, информацию о самом режиме переписки – сколько можно было посылать писем в месяц или в год, на чем, чем и где их писали, где прятали. Среди всего массива подобных документов, хранящихся в архивах «Мемориала», для выставки были отобраны наиболее информативные – те, которые существенным образом дополняют наше знание о том, как была организована коммуникация лагеря с волей. В каталоге, изданном к выставке, содержится анализ этих документов и их контекстуализация (*Право переписки* 2014).

«СЕЙЧАС ВОТ ПИШУ НА ЯЩИКЕ, СИЖУ НА НАРАХ РЯДОМ»: ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ И ИХ РОДСТВЕННИКАМИ (1923–1956)

Траектория перемещения арестованного включала несколько основных этапов: арест; пребывание в тюрьме в период следствия до вынесения приговора; многодневный путь в пересыльную тюрьму; затем из пересыльной тюрьмы в лагерь и, наконец, сам срок в лагере. На каждом из этих этапов возможности вступать в коммуникацию с родственниками и друзьями, и те формы, которые принимала переписка, различались.



Рис. 1. Экспонаты и стенды выставки «Право переписки», общество «Мемориал», Москва, 1 декабря 2014 – 4 мая 2015².

² Все фотографии любезно предоставлены Международным обществом «Мемориал».

Арестовать человека могли дома, на работе, в гостях или даже на улице. Зачастую человек просто пропадал, и родственники начинали его искать, отправляя запросы (в том числе и в НКВД) о его местонахождении. Понимая, какое беспокойство вызовет их исчезновение, некоторые люди умудрялись оставить весточку родным в момент ареста: «Викушка моя родная, любимая. Новое горе обрушилось на тебя. Будь бодр. Ты остаешься одна с Юрочкой. Берегите друг друга. Крепко, крепко обнимаю и целую тебя»³.

Затем, на этапе следствия, переписка была строго запрещена, однако люди находили способы обойти этот запрет. Те экспонаты, которые мы видим в разделе, посвященном письмам из следственных изоляторов, являют собой пример человеческой находчивости в экстремальной ситуации. Один из самых распространенных способов тайно передать послание на волю (практиковавшийся вплоть до конца 1980-х годов) – написать его мельчайшими буквами на папиросной бумаге. Разумеется, бумаги для писем в следственном изоляторе не давали, но бумага для скручивания папирос выдавалась регулярно. На этих листочках и отправил свое послание жене в апреле 1938 года, после двенадцати месяцев разлуки и за месяц до расстрела, инженер-железнодорожник Иван Григорьевич Руденко. Свое длинное письмо он написал на нескольких листочках и спрятал их в пуговицах гимнастерки. Затем он уговорил следователя разрешить ему передать одежду жене в стирку. К одежде была приложена записка, в которой содержались специально подчеркнутые слова: «Передаю обратно гимнастерку – пришей пуговицы и постирай» (*Право переписки* 2014:27). Уже постирав вещи, жена догадалась проверить содержимое пуговиц, и, хотя часть информации была утеряна, на незатронутых водой частях письма удалось разобрать страшное свидетельство о допросах, которые пришлось пережить Руденко в Калининской тюрьме. В этом письме содержится фактическая информация – место и дата ареста, имена следователей и их звания, весь ход допроса, сведения о питании в тюрьме и, наконец, информация о предъявленном ложном обвинении и номер статьи, по которой обвинили автора. Таким образом, мы видим, что некоторым политзаключенным удавалось оказывать моральное сопротивление насилию. Посредством отправленных записок человек переставал быть только жертвой, он становился свидетелем.

Мы еще вернемся к этому важнейшему аспекту выставки, к модификации нашего восприятия эзков как жертв, но, резюмируя сюжет о тайно отправленных из следственной тюрьмы письмах, отметим, что моральное сопротивление насилию не обязательно было связано с неприятием политической системы или намерением ее разоблачить. Один из заключенных, который вышил свое письмо на платке, при помощи рыбьей кости из баланды и шерстяных нитей из распущенных носков, в этом письме-платке свидетельствует о своей преданности семье и компартии. Однако сам жест его сопротивления не становится от этого менее сильным. Отставание права на коммуникацию, на выражение политических идей, на то, чтобы оставить след в истории, – это жесты, демонстрирующие потенциал гражданского противостояния неправовой репрессивной системе.

³ Здесь и далее в случаях, когда источник цитаты не указан специально, цитируются экспонаты, представленные на выставке.



Рис. 2. «Письма с этапа», экспонаты выставки «Право переписки».

После вынесения приговора узник отправлялся по этапу. Арестантов в специальных вагонах везли на протяжении многих дней в самые удаленные концы страны. На этапе переписка была по-прежнему запрещена. Однако именно с этапа многие умудрялись послать весточку родным. По словам сотрудников «Мемориала», в их архивах находится множество выброшенных из поездов записок, и самые интересные из них представлены в экспозиции. Записки писались на папиросной бумаге, а из ее обертки делался конверт. Эти конвертики выбрасывали из поезда, их находили и отправляли по указанному адресу железнодорожные обходчики. Обратим внимание на интереснейший факт: сотрудники железной дороги, которые знали или наверняка догадывались, кого везли в этих поездах, не боялись помогать «врагам народа». И судя по значительному количеству таких «ксив» в архивах, можно предполагать, что многие люди на свободе сочувствовали заключенным. В архиве «Мемориала» хранятся пятнадцать этапных записок поэта Василия Андреевича Малагуши, выброшенных им из вагонов по дороге с Украины на Колыму (*Право переписки* 2014:34). Это значит, что нашлось пятнадцать добрых обходчиков, отправивших эти записки по указанному адресу! Иногда заключенные прикладывали к своему письму послание, обращенное к тому, кто это письмо найдет. Интересна, например, эшелонная записка А.М. Борщевского 1938 года: «Не пожалейте одной-двух копеек, купите конверт, уложите в него мою записку и отправьте по адресу Одесса Нежинская 10 Каневской Заранее благодарен и желаю Вам никогда не иметь нужды в такой просьбе» (32). В интервью и мемуарах, отрывки из которых приведены в каталоге выставки, приводятся слова благодарности незнакомым людям, оказавшим помощь в этот тяжелый момент. Дочь репрессированного Нина Самуиловна Тайц рассказывает в своих воспоминаниях:

В почтовом ящике оказалась коробка от папирос с нашим адресом, в нее был вложен оторванный мундштук от папирос, на котором было написано: «Москва 21/VII. Мои дорогие! Сегодня выезд из Москвы в Колыму. Поздравляю Ниночку с днем рождения. Вы заботьтесь только о себе, обо мне не беспокойтесь. Привет всем нашим. Целую. Самуил». Эту коробку он выбросил из вагона, а сочувствующие, сострадательные люди (а таких, которых коснулась такая же беда, было несчетное количество) доставили ее нам. Затем такие же письма, написанные на папиросной бумаге стали приходиться по мере продвижения поезда на восток – из Ногинска, Саратова, Омска. Этот чудовищный эшелон шел до Владивостока свыше месяца. (Право переписки 2014:33)

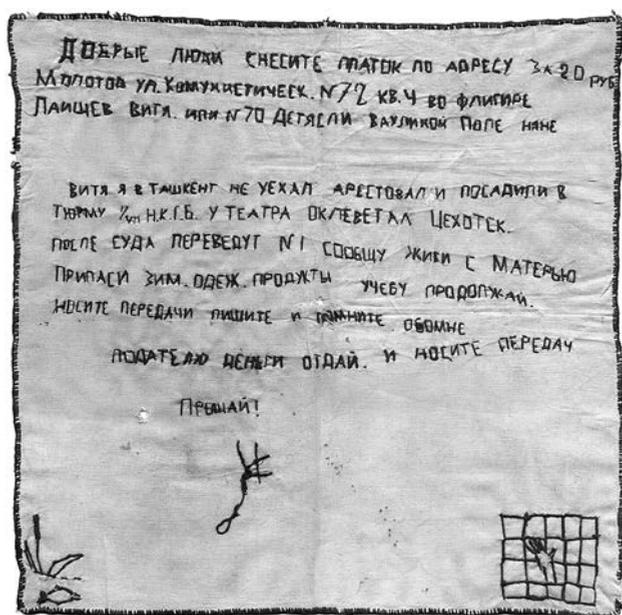


Рис. 3. Вышитое письмо В.И. Лаищева сыну, Молотовская (Пермская) тюрьма, 1945.

Первое письмо официально разрешалось отправить только из пересыльной тюрьмы, но, поскольку предполагалось, что заключенные остаются на пересылке недолго, лишь до отправки в лагерь, в этих тюрьмах часто отсутствовали бумага и принадлежности для письма. Поэтому бывало, что писали на обычных почтовых карточках (открытках) нормальными чернилами, а бывало – что на огрызках бумаги своей собственной кровью вместо чернил.

Только уже попав на основное место назначения, в лагерь, где предстояло отбывать срок, заключенный приобретал полноценное право переписки, которая, тем не менее, регламентировалась по количеству и содержанию написанного.

За период существования советских лагерей режим переписки политзаключенных с волей много раз менялся. До второй половины 1930-х годов не было единого регламента, каждый лагерь имел свои собственные правила. В начале 1920-х годов у политзаключенных (тогда ими были представители оппозиционных

партий) не было ограничений на переписку, они вводятся, начиная с середины 1920-х годов. В каких-то лагерях разрешено было отправлять два письма в месяц, в других – три. Где-то были ограничения не только на отправку, но и на количество получаемых эзком писем, а где-то ограничивали только отправку. В середине 1930-х годов в некоторых лагерях ударников труда поощряли возможностью отправки большего числа писем в месяц, чем полагалось по норме (*Право переписки* 2014:44–49).

С 1939 года появился единый регламент для всех лагерей, который чрезвычайно устрожил режим переписки, особенно для некоторых категорий политических заключенных: «“Враги народа” были разделены на две группы: осужденные за террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных троцкистских, зиновьевских, правых организациях, а также в других антисоветских организациях, члены антисоветских партий (меньшевики, эсеры и др.) и иноподданные, независимо от состава их преступления, могли отправлять письма 1 раз в 3 месяца; всем прочим осужденным за контрреволюционные преступления разрешалось писать 1 раз в месяц» (*Право переписки* 2014:50). В начале Второй мировой войны было предписано «прекратить всякую переписку заключенных, а также содержащихся в спецпоселках, с волей» (51). Этот запрет продолжал действовать около года, в течение которого заключенным приходилось отправлять письма только тайно. Затем во многих лагерях переписку с волей разрешили. Связано это было главным образом с острой нехваткой провианта. Администрации лагерей не хватало средств на содержание заключенных, и начальники колоний стали настоятельно требовать от них, чтобы родственники регулярно отправляли посылки с продуктами, одеждой и даже одеялами.

На выставке представлены также материалы, которые дают представление о том, как люди переживали разлуку с родными. Отдельный стенд посвящен лагерю жен изменников родины (АЛЖИР). В период Большого террора только с августа 1937 по август 1938 года было арестовано более 18 тысяч жен «врагов народа» и сдано в детдома примерно 27 тысяч детей. Большая часть отцов семейств была расстреляна. Однако жены, не зная этого, продолжали писать им письма, что в какой-то мере заполняло тоску по близким и беспокойство.

Настоящее значение формулы «десять лет без права переписки» (которая была эвфемизмом, придуманным НКВД для обозначения высшей меры наказания) было гражданам неизвестно, и многие жены жили надеждой на то, что их мужья живы, и что когда-нибудь они снова встретятся. Не имея сведений о местонахождении мужей, женщины писали письма, не отправляя. В этой безответной переписке продолжалась насильственно прерванная коммуникация между супругами. На выставке представлен экспонат «Неотправленное письмо Марии Малышевой». Оно было написано в АЛЖИРе в 1938 году и «вышло из лагеря» вместе с автором. В архивах «Мемориала» содержится несколько десятков писем, адресованных погибшим мужьям. Можно только догадываться, сколько длилось и какие формы принимало ожидание пропавшего без вести супруга. Из мемуаров известно, что страх, беспокойство и теплившаяся надежда на лучшее, в отсутствие точной информации о судьбе родственника, могли продолжаться бесконечно долго.

В собранных сотрудниками «Мемориала» интервью, отрывки из которых приведены в каталоге выставки, люди, пережившие это многолетнее ожидание, рассказывают следующее:

Десять лет мы ждали отца, – рассказывает Елизавета Давыдовна Ривчун. – Потому что когда мама пошла узнать о его участи, ей сказали: «Ваш муж осужден на десять лет без права переписки». А так как мы думали, что это правда, раз нам в таком солидном учреждении говорят, то мама его и ждала десять лет. Так одна и прожила всю свою жизнь. [...] Когда прошло десять лет, мама отправилась туда. И сказала, что вот мой муж был осужден по такой-то статье, вот прошел этот срок. Где мой муж? Ей сказали: «Напишите заявление – мы будем его искать». Потом ей позвонили: приходите. Она пришла, ей сказали: «Ваш муж умер». А это уже был сорок седьмой год. (*Право переписки* 2014:13)

Один из немногих стендов выставки, посвященных документам, которые выдавались учреждениями системы наказаний, посвящен именно этому аспекту – как и на протяжении какого периода система обманывала граждан, распространяя ложные сведения о судьбе их родных. Когда, как и при каких обстоятельствах члены семьи стали получать информацию о том, что их родственников нет в живых? Система с трудом справлялась с огромным количеством запросов, которые начали поступать в НКВД и другие органы, начиная с 1946 года. С этого периода разные инстанции начали выдавать свидетельства о смерти (с ложной причиной и датой смерти). Лишь с конца 1980-х годов начали выдавать новые свидетельства, в которых указывалась истинная причина смерти заключенного. Мы видим на стенде два свидетельства о смерти одного и того же человека. Одно – 1956 года, другое – 1990 года. В первом в качестве причины смерти указана гангрена, во втором – расстрел.



Рис. 4. Экспонаты выставки «Право переписки».

Поразительно, что, хотя сотни тысяч людей по всей стране ждали своих родственников, осужденных на «десять лет без права переписки», такой меры наказания в Уголовном кодексе не было, а соответственно, не было и таких приговоров.

Эта формулировка была придумана в НКВД, чтобы скрыть огромное число внесудебных приговоров к высшей мере наказания (ВМН) во время Большого террора (1937–1938). В эти годы свыше 670 тысяч человек были расстреляны по постановлениям троек при управлениях НКВД, решениям комиссии наркома внутренних дел и прокурора СССР (Николая Ежова и Андрея Вышинского) и по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР.... «Осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач» – так сотрудникам НКВД предписывалось отвечать на запросы родственников о судьбе человека, который на самом деле был уже расстрелян. Причем предписывалось информировать родственников только устно – отвечать в письменном виде запрещалось. (*Право переписки* 2014:9–10)

Итак, об этой формуле мы знаем только благодаря передаче информации из уст в уста, от тех людей, которые слышали ее из тюремных справочных окон и рассказывали другим. Заключение ГУЛАГа, получившие иной приговор, по всей видимости, этой формулы сначала не знали. Она имела хождение именно на воле, и постепенно стала для людей символом самого страшного – полного незнания о том, жив человек или нет и где он находится. По всей вероятности, эта мера позволила предотвратить возможное сопротивление родственников и сделать так, чтобы их горе приняло форму пассивного ожидания, а не протеста.

Важно, что эта формула принципиально не существовала в письменных документах. В архивах сохранился только один документ, в котором сотрудник НКВД записал ее, оставив таким образом след в истории. Этот уникальный документ представлен на выставке: «Чтобы получить хоть какую-то справку о судьбе арестованного мужа, Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик пришла в справочную НКВД на Кузнецком мосту и подала записку, что она глухая и просит ответить ей письменно. На этой же бумажке сотрудник НКВД написал “Выслан в дальние лагеря без право [так в документе] переписки”» (*Право переписки* 2014:10). Однако, как теперь уже известно, Шаховская-Шик глухой не была. Здесь мы в очередной раз имеем дело с тем фактом, что для человека, находящегося в экстремальной ситуации, возможность создать, иметь и хранить материальные свидетельства политических преследований и его собственных переживаний – один из способов преодоления трудностей, потерь и унижений. Воспоминания, мемуарные заметки свидетели всех этих событий пишут, начиная с 1950-х годов. В более ранний период, в разгар самих репрессий, люди стремились оставить хотя бы небольшой след – памятные вещи, тщательно припрятанные записки, собственные неотправленные письма, рисунки и т.п.

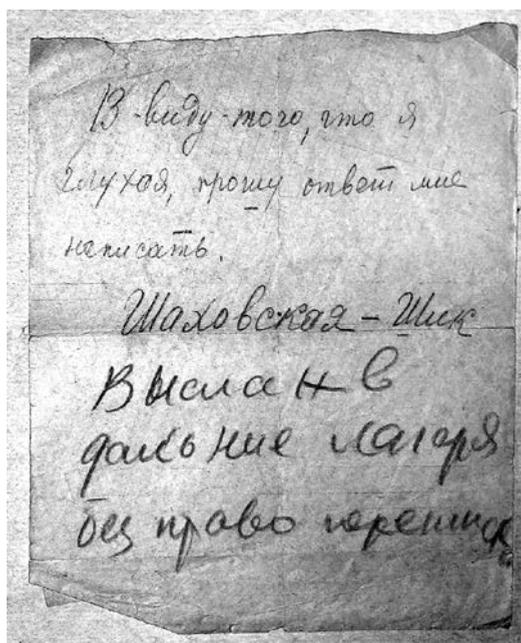


Рис. 5. Записка Н.Д. Шаховской-Шик от сотрудника справочного бюро НКВД на Кузнецком мосту.

Если человек жив, то – как показывает эта выставка – он не может пропасть бесследно. Он обязательно найдет способ дать о себе знать и будет пытаться делать это, пока не достигнет цели. Верили ли люди настолько в силу и мощь государственной машины, что готовы были поверить в то, что их родные на протяжении десяти лет не найдут способа с ними связаться? Могло быть и так. Но скорее всего, это ожидание не заменяло трезвого понимания ситуации, а существовало параллельно с ним. В недавней книге «Кривое горе», посвященной отражению опыта ГУЛАГа в культурной памяти, Александр Эткинд показывает на многочисленных примерах, что в изобразительном искусстве и в художественной литературе этот тяжелейший опыт осмыслялся через обращение к не-человеческим образам и сущностям (теням, вампирам, скелетам, вурдалакам, абстракциям), потому что придать ему рациональный смысл оказалось невозможно (Etkind 2013). Как можно рационально объяснить исчезновение людей? Для того чтобы полностью поверить в смерть человека, его нужно похоронить. Разного рода послания мертвым, наряду с оставшимися от прежней жизни вещами, вероятно, замещали эмоциональную пустоту, являлись эрзац-коммуникацией. Думается, что содержание писем из лагерей, которое сегодня столь ценно для историков, было менее важно, чем сам факт письма, подтверждающего, что человек жив, здоров и может заниматься таким обыденным человеческим делом, как написание письма, пусть даже плохим почерком и в неудобной позе, «полулежа, на нарах, в полутьме».

Несмотря на то, что большинство заключенных, как правило, не могли разместить на клочках бумаги сколько-нибудь пространное послание, лагерные

цензоры тщательно контролировали содержание писем. В перечне сведений запрещенных в переписке, содержащемся в Приказе НКВД СССР за 1939 год № 001418 от 2 ноября, значатся следующие недозволенные к упоминанию темы: антисоветские высказывания, информация о дислокации лагеря, колонии и их подразделений, сведения о количестве заключенных, о режиме и изоляции заключенных, об охране лагеря, колонии и побегах, о характере и объеме производства, о происшествиях в лагере и колонии, о недочетах в жилищно-бытовом обслуживании заключенных, об эпидемиях и заболеваниях в лагере и колонии, а также предупреждения о способах нелегальной переписки и пересылки запрещенных предметов⁴.

Письма, приходящие в лагерь с воли, тоже цензурировались. Любые упоминания о тяжелой жизни подлежали вымарыванию. Вот примеры некоторых писем с воли, которые конфисковала цензура в 1943 году. «Дорогой папа, очень трудно жить и нам на воле, купить нечего, в столовых варят крапиву и кормят рабочих, за июнь месяц на иждивенцев по 200 грамм хлеба и больше ничего» (из Новосибирска). «Дорогой брат Александр, сегодня в праздник 25-й годовщины Октября несуч почетную вахту и вспоминаю все старое. Грустно становится. Здесь погода холодная, теплых вещей нет, сапоги дырявые, ноги мокрые, не просыхают, очень зябнут, и кушать ничего нет» (из воинской части).



Рис. 6. Экспонаты выставки «Право переписки». Слева – инструменты для работы цензора. Справа – примеры работы цензуры: письма, брошенные в печь цензорами и вытасценные кем-то, а также вымаранные строчки из писем.

Судя по стенду, посвященному контролю за содержанием переписки, цензоры использовали весь опыт, накопленный предшественниками. В их обиходе был

⁴ ГАРФ. Ф. Р9401. Оп. 1а. Д. 528; стенд выставки.

утог для проглаживания бумаги, чтобы заключенные, как некогда это делал Владимир Ленин, не писали молоком между строк; лупа, чтобы удобнее было читать мелкий или неразборчивый почерк; чернила, чтобы вымарывать строчки, содержащие крамольную информацию. Однако, как и заключенные, цензоры сталкивались с нехваткой самого необходимого. В одном из Актов проверки режима содержания заключенных 1953 года указывалось на то, что «отдельные строки письма, содержащие запрещенные сведения, зачеркиваются некачественно, чистые листы и вкладыши на предмет обнаружения тайнописи горячими утюгами не проглаживаются из-за отсутствия последних» (*Право переписки* 2014:70). Мы можем сегодня только порадоваться, что из-за плохой обеспеченности отделов цензуры отправленные из ГУЛАГа письма содержат больше сведений, чем допускалось циркулярами.

ОТ МОРАЛЬНОГО К МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ СОПРОТИВЛЕНИЮ (1956–1986): ПОСЛАНИЯ ИЗ ЛАГЕРЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАВОЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ

Система ГУЛАГа официально прекратила свое существование в 1956 году. Значительная часть политзаключенных была освобождена по амнистии, многие лагеря были покинуты, а те области экономики, которые напрямую зависели от ГУЛАГа (геологоразведка, алмазо- и золотодобыча, лесоповал, большие стройки) постепенно переведены на использование обычных трудовых ресурсов (Applebaum 2003; Elie 2013). Государственное управление лагерей в прежней форме уже не существовало. Тем не менее, в период с середины 1950-х до конца 1980-х годов, включая либеральную хрущевскую оттепель, в тюрьмы и лагеря отправились новые поколения политзаключенных. Среди них были в основном различные религиозные диссиденты (баптисты, молокане, пятидесятники, «Свидетели Иеговы»), и националисты (представители Организации украинских националистов, сторонники независимости республик Прибалтики), но все больше и больше армию заключенных оттепельного периода пополняли молодые люди из столичных университетов, которые зашли слишком далеко в политических дискуссиях, в обсуждении и критике марксизма советского образца и всей системы. Среди первых заключенных известны группа Льва Краснопевцева, арестованная в Москве в 1957 году; «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (ВСХСОН), созданный в Ленинграде (его участники были арестованы в 1967 году); группа «Колокол» (участники которой были арестованы в 1965 году в Ленинграде) (Алексеева 1984). Наконец, после процесса над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем в 1965–1966 годы, Советский Союз вступает в новую репрессивную стадию, где тюремное заключение в наказание за публичное политическое высказывание критического характера снова стало обычным делом. В сравнении с предшествующим периодом в лагерях теперь оказались «сознательные политзаключенные», которые действительно относились к советской системе критически и боролись за ее изменение. В среде сознательных политзаключенных и их семей со временем сформировался свой этический кодекс, сети взаимопомощи и способы передачи информации (Даниэль 1998; Stephan 2005; Vaissié 1999).

В этот период появился новый тип посланий из лагеря – ориентированный не на родственников, а на более широкий круг читателей.

После 1968 года, с появлением машинописного бюллетеня «Хроника текущих событий», который информировал общественность о событиях в местах заключения, формируется правозащитная ориентация диссидентского движения. Важным знаком поворота диссидентского движения в сторону защиты прав человека было создание «Московской Хельсинкской группы» (московской группы содействия выполнению хельсинкских соглашений по защите прав человека, которые СССР подписал). С середины 1970-х годов уже можно определенно говорить о формировании социальной среды, занимающейся защитой прав человека и, главным образом, прав политзаключенных. Современная российская правозащитная среда является в значительной мере наследником антисоветского правозащитного движения.

Итак, с новой, постгулаговской, волной политзаключенных, послания из лагеря приобрели другой характер. Во-первых, условия заключения хотя и оставались тяжелыми, но стали значительно более мягкими по сравнению со сталинским периодом. Разрешалась не только переписка с родными, но и свидания с родственниками. Поэтому применительно к этому периоду стоит различать обычную семейную переписку заключенных и «пули», которые они тайно передавали на волю. Именно им и посвящен последний стенд выставки.

«Пуля» – это документ, содержащий факты нарушений прав человека в тюрьмах и лагерях. В создании и передаче «пуль» большую роль сыграли родственники политзаключенных, особенно жены, которые были товарищами по борьбе. Диссидентский фольклор содержит истории лагерных свиданий, когда супруги, прикрывая друг друга от взгляда охранника, наблюдавшего в глазок, записывали мельчайшим почерком на маленьких бумажках информацию о нарушениях прав заключенных, фиксируя имена, даты и прочие факты. Эти мелкие бумажки перевозили тайком на волю, затем передавали машинисткам, которые перепечатывали их и отправляли тем, кто делал «Хронику текущих событий». Поскольку «Хроника» была основным периодическим печатным органом диссидентского движения, можно сказать, что «пули» из лагерей имели огромное значение для его существования вообще. Выставка заканчивается 1987 годом – временем, когда были освобождены последние советские политзаключенные.

Несмотря на то, что переписка политзаключенных 2000-х годов осталась «за кадром», в качестве постскрипума отметим, что в современной России, по сравнению с позднесоветским периодом, произошло важное изменение: она приблизилась к европейским странам в том отношении, что теперь заключенный имеет возможность передать послание через адвоката. Ограничения на контакты заключенных с волей продолжают существовать, но принимают другие формы. Заключенные имеют право посылать письма через систему Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), однако не имеют права пользоваться интернетом и мобильными телефонами (Gusejnova 2013). Письма с воли по-прежнему тщательно цензурируются, особенно в период следствия. Как рассказывала в своем интервью обвиняемая по делу «Pussy Riot» Екатерина Самуцевич, не все письма до-

ходят до адресата. В ее случае часть писем цензура полностью изымала, а в тех, которые до нее доходили, были зачастую сохранены лишь фрагменты послания⁵.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ ВЫСТАВКИ В КОНТЕКСТЕ ИНЫХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЙ ИСТОРИИ ГУЛАГА

Как и другие акции и события, имеющие просветительский характер и связанные с трансляцией культурного наследия, исторические выставки ориентированы на формирование определенной гражданской позиции у посетителя. Концепции выставок не являются ценностно нейтральными.

Помимо гражданской позиции, историческая выставка, как правило, имплицитно или эксплицитно занимает определенную позицию в отношении современных историографических научных дискуссий. Выставка может быть принципиально эклектичной и ориентированной исключительно на «показ фондов», может быть концептуальной и иллюстрировать ту или иную историческую концепцию, а может представить корпус экспонатов таким образом, чтобы подвергнуть сомнению ту или иную концепцию.

В России, как и во многих других странах, наблюдается различие между тем, какие послания публике содержат государственные и негосударственные музеи. Государственные музеи являются проводниками исторической политики государства, то есть той доминирующей интерпретации истории, которая находит отражение в речах руководителей страны и школьных учебниках. Негосударственные музеи, рожденные в недрах гражданского общества, являются проводником мемориальной культуры, идущей не сверху, а снизу. Они видят свою миссию в том, чтобы рассказывать истории, оставшиеся за бортом исторической политики. Ассман указывает на то, что во всех странах между исторической политикой и мемориальной культурой существуют большие или меньшие расхождения или даже конфликты (2014:301). Степень и содержание этого расхождения является важным показателем того, как осуществляется в обществе работа памяти.

В этой части я постараюсь контекстуализировать выставку «Право переписки», сравнив ее концепцию и реализацию с другими интерпретациями истории репрессий и ГУЛАГа для того, чтобы более определенно вычленить ее послание публике и потенциальный вклад в историческую дискуссию.

ВЫЙТИ ИЗ ЯЩИКА

Сценография выставки была разработана Юрием Аввакумовым и Татьяной Сошеиной. Само выставочное помещение оформлено как посылочный ящик. Посетитель попадает в замкнутое пространство (в зале нет окон). Особенно сильно эта замкнутость чувствуется в закутке, посвященном следственной тюрьме, где для усиления эффекта помещена тюремная дверь. Дистанция, которая существует у посетителя по отношению к выставленным предметам, постепенно пропадает.

⁵ Интервью Татьяны Фельгенгауэр с Екатериной Самуцевич, программа «Особое мнение», радио «Эхо Москвы», 12 октября 2012 года, www.youtube.com/watch?v=AVil21_On0o.



Рис. 7. Интерьер выставки «Право переписки».

В государственных исторических музеях, где также расположены витрины, посвященные сталинским репрессиям, мы, как правило, ходим по большому залу с высокими потолками. Мы получаем информацию о репрессиях, но ощущаем, что сами находимся вне этого. На выставке «Мемориала» в значительно большей степени создается ощущение эмоциональной сопричастности.

Ящик воспринимается как метафора замкнутости, преодолевавшейся посредством переписки. В тяжелейших тюремных и лагерных условиях, особенно в голодные военные годы, для многих эзков весь горизонт мечтаний, ожиданий и переживаний сводился к продуктовой посылке, которая могла поддержать угасающие силы. Самое страшное в лагерном опыте, как свидетельствуют мемуары и литературные произведения, – это именно постепенная потеря человеческого лица и человечности, превращение в голодное страдающее тело. Александр Эткинд цитирует страшную фразу Марии Розановой, жены писателя Андрея Синявского, о том, что в лагерях люди «не умирали, а дохли» (Etkind 2013:131). Жизнь от посылки до посылки, усталость от рабского труда, доходящее бытие и нечеловеческая смерть – это траектория миллионов эзков. Однако в их посланиях, как ни странно, часто сквозит жажда жизни и даже оптимизм. Письма как бы произрастают на стенах ящика и пробиваются за пределы этих стен. В этом мне видится гуманистическое послание выставки.

Представленные на выставке эпистолы переворачивают привычный взгляд на заключенных. Мы привыкли говорить о них как о «жертвах сталинских репрессий», которыми они, разумеется, являются. Но здесь акцент сделан на другом аспекте – на моральном сопротивлении насилию. Посредством отправленных записок человек переставал быть только жертвой, он становился свидетелем и приобретал значимость хотя бы в собственных глазах. Теперь эти свидетельства изучаются историками, имена свидетелей попадают в публикации. Множество ин-

дивидуальных попыток преодолеть физические и моральные страдания создали целую культуру сопротивления. Именно она стала основой для вполне реальных коллективных протестов. Ведь одной из причин, по которой было решено положить конец системе ГУЛАГа в середине 1950-х годов, были восстания в лагерях (Applebaum 2003). Более того, культура сопротивления, накопленная за 1930–1950-е годы, дала возможность идти дальше, и на ее основе формируется уже морально-политическое сопротивление диссидентов в 1960–1980-е годы, а затем на этом фундаменте возникает политическое сопротивление и гражданская культура сегодняшнего дня.

Таким образом, выставка обращается к посетителю с посланием, содержание которого сводится примерно к следующему: сила воли, убежденность в своей невиновности, любовь к близким и способность к творчеству в состоянии помочь преодолеть самые тяжелые испытания и сохранить человеческий облик; противодействие насилию возможно и необходимо; письменные свидетельства о нарушении прав доходят до своей аудитории, а усилия по созданию правозащитной культуры и гражданского общества пусть медленно, но достигают своих целей.

Мои наблюдения можно сопоставить с тем, что пишет французский антрополог Элизабет Анштетт по поводу Музея творчества и быта в ГУЛАГе при обществе «Мемориал» в Москве (Малый Каретный переулок, д. 12), где выставлены произведения искусства, созданные заключенными. По ее мнению, основная функция этого музейного зала – создание эмоционального пространства сопереживания. Контраст между произведениями искусства (их формой и содержанием) и контекстом, в котором они были созданы, дает посетителю эстетический опыт, который погружает в интимный универсум ГУЛАГа. Зрителю предлагается воспринять феномен ГУЛАГа не рационально, а чувственно (Anstett 2009:152–153).

Выставка «Право переписки» тоже сильна по своему эмоциональному воздействию, благодаря концептуальной сценографии и разнообразию представленных посланий. Особенно трогают письма, написанные на бересте, ткани, папиросной бумаге, потому что они с большей силой погружают посетителя в контекст заключения. Сами письма читаются, не побоюсь этого штампа, «как роман», ведь их авторы стремились в нескольких строчках передать максимум эмоций.

ДЕТАЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГУЛАГА КАК КЛЮЧ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

В конце 1980-х годов в советском обществе началась серьезная дискуссия о сталинских репрессиях, в результате которой был принят закон о реабилитации несправедливо осужденных. Впрочем, после того как в начале 1990-х годов открылись архивы и появились многочисленные возможности для проведения новых исторических исследований, в России не случилось публичного спора историков, где был бы поставлен вопрос о том, воспринимать ли советскую систему наказаний, репрессии и Большой террор конца 1930-х годов как феномен экстраординарный, выходящий за рамки приемлемого, как феномен, который нужно изучать и обсуждать соответственно, или как обычную трагедию циклического характера из серии «такое уже случалось в российской истории». По умолчанию государст-

во выбрало стратегию нормализации сталинского периода. Эта тенденция, прослеживавшаяся уже с конца 1990-х – начала 2000-х годов, постепенно усиливалась (свидетельство тому – дискуссия о новых учебниках истории, об «эффективном менеджере» Иосифе Сталине и о репрессиях как побочной – не столь уж важной – стороне модернизации).

Крупные исторические музеи в общем следуют государственной исторической политике. Например, в московском Государственном центральном музее современной истории России экспозиция по истории СССР создана по принципу «за и против». В разделе «за» показывается модернизация и научно-технические достижения СССР, а в разделе «против» идет речь о репрессиях. Этот подход определенно способствует тому, что репрессии вписываются в рамки нормы, хотя и подаются как негативное явление. Ведь «за и против» можно найти в любой политической системе.

Отметим, что нормализация советского и сталинского управления присуща и значительной части современных западных исторических работ. Если посмотреть на основные тенденции развития международной научной дискуссии об истории СССР с 1950-х по 2000-е годы, мы констатируем, что советская система определялась сначала как тоталитарная, сопоставимая с нацистской Германией, и в этом качестве она рассматривалась как исторически новое явление. Затем историки, наоборот, стали подчеркивать преемственность Советского Союза по отношению к дореволюционной России и архаизм его социальных структур и институций. Теперь многие исследователи считают, что СССР необходимо изучать и воспринимать как обычное современное государство (*modern state*) с тенденцией к бюрократизации, полицейскому контролю, обеспечению социальных гарантий. Советский путь развития предстает, таким образом, как один из вариантов модернизировать, как вариант нормы (см. обзор дискуссии в статье David-Fox 2006). Работы, авторы которых придерживаются концепции *multiple modernities*, показывают, что индустриализация и модернизация стран приводили к жертвам со стороны населения повсеместно, в том или ином масштабе. Переход от традиционного общества к современному неизбежно сопряжен с насилием и многих оставляет за бортом. Таким образом, сталинская модернизация занимает достойное место в ряду других модернизаций.

Действительно сложный вопрос, который важен как с точки зрения истории, так и памяти, – имеет ли смысл считать репрессии и ГУЛАГ центральными, главными, самыми симптоматичными фактами в советской истории или счесть их побочным продуктом модернизации, имеющим не первичное значение?

Общество «Мемориал» выступает против нормализации советской системы и придерживается взгляда, согласно которому репрессии и ГУЛАГ являются центральным фактом истории СССР, бросающим мрачную тень на советское государство. Например, в одном из интервью радио «Эхо Москвы» председатель правления Международного общества «Мемориал» Арсений Рогинский высказал свою точку зрения по этому вопросу вполне определенно: «Советский режим был преступным, потому что в качестве основного инструмента своей политики использовал террор». В этом и других интервью Рогинский призвал к тому, чтобы государствен-

ная историческая политика в отношении оценки советского государства была пересмотрена: «Должен быть осужден режим и назван преступным. И самое главное, перечислены хотя бы главные преступные его деяния. [...] Документальных материалов о преступлениях крайне много. Необходимо назвать их преступлениями и ввести эту нашу юридическую оценку в массовое сознание, через школьные учебники, вузовские курсы и так далее»⁶.

Выставка «Право переписки» определенно показывает, что ГУЛАГ – по своим последствиям нечто большее, чем побочный продукт модернизации, который можно поместить за скобки для красоты концепции. Экспозиция даже навеивает размышление о том, не переродился ли «архипелаг» по прошествии десятилетий в «айсберг», который по-прежнему, теперь уже подспудно, препятствует модернизации, допуская лишь ее уродливые формы. Ведь письма из лагеря, находящиеся в семейных архивах, – это далеко не единственный след ГУЛАГа в нашей сегодняшней жизни. Этих следов очень много, и большая часть из них не видима, не осознаваема, не изучена. Анштетт (Anstett 2009; Gessat-Anstett 2007) показывает, что различные следы ГУЛАГа (как материальные, так и нематериальные) формируют «концентрационное прошлое России», которое влияет на современную жизнь городских сообществ. Понятие «концентрационного прошлого» представляется полезным для того, чтобы обозначить и обсудить феномен «архипелага-айсберга» во всех его измерениях, включая и его историю, и влияние на сегодняшнее российское общество.

Выставка становится полезным дополнением к современной исторической и социологической литературе как минимум в двух важных аспектах. Экспонированные письма, во-первых, убедительно описывают дисфункции системы, которые оказывались фатальными для граждан. Во-вторых, они рассказывают о том, как тюремное заключение одного из членов семьи влияло на всю семью; соответственно, мы многое узнаем о долгосрочном влиянии ГУЛАГа на общество.

Рассуждая о том, был ли Советский Союз сталинского периода, использовавший в своей политике репрессии, а в экономике – подневольный труд, современным модернизирующимся государством, необходимо помнить, что любая серьезная модернизация подразумевает и реформы пенитенциарной системы. Мы видим, что реформы были, но назвать эту систему современной можно с большой натяжкой. На примере организации переписки видно, как система пыталась модернизироваться. Она реформировала свою собственную бюрократию, вводя, например, единые правила переписки для всех лагерей в конце 1930-х годов, устанавливая систему контроля за работой лагерных администраций и цензоров. Однако зримых позитивных последствий эта бюрократическая реорганизация не принесла ни лагерной администрации, ни, тем более, заключенным. Администрации не хватало финансирования, цензорам – ламп, чернил и утюгов, заключенным – еды и всего необходимого для жизни. Та картина, которая складывается из писем, – это, прежде всего, картина трагической бессмысленности происходяще-

⁶ Программа «Разворот (утренний)», радио «Эхо Москвы», 29 октября 2010 года, <http://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/722158-echo>.

го. Исследование дисфункций системы наказаний проливает свет на фатальную дезорганизованность системы в целом (несмотря на ее непрекращающуюся бюрократизацию). В этом смысле выставка перекликается с посвященными депортациям и спецпоселениям работами, в которых этот аспект особенно очевиден (Viola 2007; Werth 2007).

Выставка также демонстрирует, что система была чрезвычайно репрессивной не только по отношению к «врагам народа», но и по отношению к членам их семей. Этот широко известный факт ярко проиллюстрирован конкретными примерами.

Расскажу о том, как выглядел арест члена семьи для тех, кто остался на свободе. Об аресте человека его родственникам не сообщали, и он просто исчезал. Иногда следы обыска или опечатанная квартира подсказывали направление поисков пропавшего, но нередко родственники должны были объезжать морги, больницы и в конце концов тюрьмы. В крупных городах тюрем было несколько, и в каждую из них стояла огромная очередь. Родственники стояли в этих очередях, узнавали, не там ли член их семьи, и, если это подтверждалось, по истечении определенного времени получали право передать посылку. При том, что они имели право передавать в тюрьмы продукты, одежду, деньги, забирать белье зэка домой в стирку и вообще всячески содействовать его прокорму и проживанию в тюрьме, они не имели возможности ничего узнать о состоянии своего родственника. Подследственным была запрещена переписка, а следствие иногда длилось больше года (*Право переписки* 2014:21).

После вынесения приговора их по-прежнему ни о чем не информировали. «Осужденный не имел возможности сообщить своим близким ни формулировку приговора, ни местонахождение лагеря, куда его должны этапировать. Чаще всего он и сам не знал, куда его отправят, и мог только догадываться об этом по пути следования эшелона» (*Право переписки* 2014:33). Родственники жили домыслами, пытались всеми правдами и неправдами что-то узнать, иногда совершали ради этого действия и поступки, которые имели скорее не рациональное, а магическое значение, и свидетельствовали о панике. Например, Нина Тайц вспоминает: «Узнав от знакомого следователя, что отца должны увезти на Дальний Восток, мы с мамой на протяжении многих дней и ночей дежурили на железнодорожных путях Казанского вокзала с толпой таких же, как мы, в надежде увидеть папу. На путях стояло много товарных вагонов, в них грузили арестованных, нас отгоняли, но мы все равно бежали, влекомые людьми. Папу мы так и не увидели» (33).

Попав на место назначения в лагерь, некоторые заключенные начинали систематически получать письма из дома. Такое право теоретически было у всех, однако оно не всегда реализовывалось. Если письма были написаны не на русском языке, а на других языках Советского Союза, то их заключенным не передавали, потому что цензоры не имели возможности проверить их содержание. В некоторых случаях использовались переводчики из вольнонаемных, однако это случалось не всегда. Соответственно, люди, не владевшие письменным русским языком, не могли наладить контакт с находящимся в лагере родственником.

Помимо эмоциональной подавленности от разлуки и социальной изоляции, в которую попадала семья арестованного, возникали значительные материальные трудности. Семья должна была постоянно участвовать в содержании заключенного, который был прежде основным кормильцем. Для некоторых семей, особенно во время войны, эта ноша оказывалась практически непосильной. Например, Евгений Яблоков, преподаватель ботаники Рязанского пединститута, работал в начале 1940-х годов на лесоповале в Каргопольлаге. В письмах жене он рассказывал о том, что их кормили в первый раз в пять часов утра, а второй раз – в пять часов вечера: «Милая, как тебе ни трудно, как мне ни стыдно, но прошу тебя, поддержи мою жизнь, нужно, чтобы ты регулярно, каждые $\frac{1}{2}$ месяца, высылала полную (не менее 8 кг) посылку; пускай дешевой, обязательно со съестным, не только не изысканным, но наиболее дешевым, доступным для тебя: хотя бы комбикормом». Но, видимо, его жена, оставшаяся без работы с двумя маленькими детьми, не могла отправлять продуктовые посылки два раза в месяц, к тому же не все посылки достигали адресата, и в марте 1944 года Яблоков умер от истощения (*Право переписки* 2014:88).

Отправка посылок была трудным делом не только из-за цены продуктов и отсутствия их в магазинах, но и из-за того, что нужно было ехать за тридевять земель, чтобы их отправить. В каталоге выставки приводится яркий отрывок из воспоминаний Инны Гайстер:

Сначала посылки принимали в Москве. Но это быстро прекратили, ведь в такие дни на почте выстраивались очереди больше, чем в продуктовых магазинах. Надо было ездить куда-нибудь в Александров или в Можайск – это сто километров от Москвы. Хорошо помню, как ездила в Можайск. Входишь в вагон, а он весь в посылках. Дорога до Можайска – два часа. [...] Когда поезд подъезжает к Можайску, у двери давка. Вырвешься из вагона и стремглав летишь на мост. Все несутся, друг друга обгоняют, один другого толкает. Бегут как сумасшедшие. И ты бежишь, бежишь по нему со своей восьмикилограммовой посылкой. Да еще тащишь молоток и гвозди. Первые разы страшно, но потом привыкаешь. Посылка должна быть ровно 8 килограмм. Ни больше, ни меньше. У них на каждой почте весы по-своему взвешивают. Отстоишь очередь, а у тебя не примут – больше на двести грамм. Надо посылку вскрывать, что-то вынимать. Пока обратно заколотишь, твоя очередь пройдет. Лезешь обратно к приемщице, а там в этот момент все как тигры, как львы друг на друга бросаются. Поэтому и везешь с собой молоток и гвозди, чтобы время не терять, тут же около приемщицы заколотить ящик. (*Право переписки* 2014:94)

Из описаний отправки посылок и писем на зону и получения писем с зоны становится понятно, какое огромное место занимало тюремное заключение родственника в жизни всей семьи. Лагерный опыт – это не только жизнь заключенных в лагере и воспоминания о ней, но вся та конфигурация отношений, которая складывалась вокруг этого на воле.

Сейчас наше знание о лагерном прошлом находится на той стадии, когда для понимания сути явления очень важны детали. Сила выставки «Право пере-

писки» в том, что она посвящена не столько репрессиям как преступлению государства перед гражданами, сколько именно опыту семей, столкнувшихся с лагерями. Благодаря подробностям, содержащимся в письмах и в пояснениях историков, мы получаем новую текстуальную и визуальную информацию для самостоятельной концептуализации этой истории. Аккумуляция подробностей, нюансов и мелких фактов способно, на наш взгляд, со временем привести к имплозии исторической политики и ее реконфигурации в более полезном для общества направлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КАКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ НАМЕЧАЕТ ЭТА ВЫСТАВКА?

Перед социологами выставка ставит важный вопрос: какие группы общества создают в современной России культурную память о советских тюрьмах и лагерях? Если мы рассматриваем всю совокупность политзаключенных, которые писали письма из мест заключения в сталинское время, то, по-видимому, не имеет смысла социологически обозначать их как «группу». Они представляли собой более или менее репрезентативный срез советского общества, потому что в лагерях находились представители всех слоев советского населения. Однако можно было бы проанализировать в дальнейшем вопрос о том, какие семьи поняли общественную ценность этих писем и решили передать их в «Мемориал». Что способствовало тому, что люди решили превратить личное в публичное или, говоря словами организаторов выставки, превратить свою семейную память в общедоступную культурную память? Сыграло ли роль понимание ценности писем как исторического источника, желание не только реабилитировать, но оправдать или «обелить» своих родственников, вернуть имена, рассказать правду о системе, а может быть, и желание взять реванш над системой?

На выставке не было комментариев о социальном статусе и мотивациях тех, кто передал в «Мемориал» экспонаты, но можно предположить, во-первых, что это группа с уровнем образования выше среднего, во-вторых, что это семьи социально, культурно, территориально связанные с разными поколениями борцов за права человека в России – от политкаторжан до диссидентов. Исследование этой группы (или этих групп) важно для того, чтобы выяснить, существуют ли и насколько ярко выражены границы между ними и теми, кого эта тема не волнует. Важно это и для того, чтобы понять, какова потенциальная аудитория подобных выставок, как можно ее расширить и какими способами можно донести такую информацию до разных категорий посетителей.

Выставка заставляет задуматься и о том, как и в каких терминах вспоминать и обсуждать «концентрационное прошлое»? Она наводит на мысль, что было бы полезно более четко донести до общественности концептуальное различие между терминами «сталинские репрессии», «террор» и «ГУЛАГ», которые воспринимаются в массовом создании практически как синонимы.

Сталинские репрессии можно локализовать во времени и в определенном бюрократическом универсуме, отнести их к истории 1930–1950-х годов, которая находится на значительном расстоянии от нас. Что же касается ГУЛАГа, то его локализация в пространстве, времени и социуме гораздо более проблематична. И именно когда речь идет о ГУЛАГе, мы сталкиваемся с множеством «неудобных» вопросов.

В чем сходства и отличия коммуникации семей с зонами в советский период и сейчас? Есть ли преемственность между советскими лагерями и современными местами заключения свободы, между ГУЛАГом и ФСИН? Какие последствия для современной правовой системы имеет то, что раньше система функционировала так, как показано на этой выставке? Что происходит сегодня на местах бывших лагерей? Надо ли их музеефицировать и если – да, то кто должен этим заниматься? Как избавить современные города и регионы (Воркута, Магадан) от той печати, которую наложило на них присутствие лагерей? Почему музеями ГУЛАГа больше занимается гражданское общество, чем государство? Почему и для чего контролируемые государством телеканалы в своих недавних репортажах подвергли унижению негосударственный музей лагеря Пермь-36? Для чего в дальнейшем было решено изменить статус и профиль этой институции, превратив ее из музея, посвященного заключенным, в музей сотрудников ГУЛАГа? Не происходит ли такое для того, чтобы снова создать в России лагеря для политзаключенных?

Чем больше вопросов о ГУЛАГе мы начинаем задавать, тем больше мы понимаем, что это явление совсем недалеко от нас, оно пронизывает нашу сегодняшнюю жизнь, наше сознание, потому что речь идет не только о серии политических решений, а именно о «концентрационном прошлом» как сложном человеческом, психологическом, социальном явлении, которое имеет живую связь с современным социумом.

В последние два-три года пагубные последствия нехватки информации о советской правовой и пенитенциарной системе стали очевидны. После столкновений на Болотной площади 6 мая 2012 года между полицией и протестующими против инаугурации президента, во время следствия и судебных процессов, связанных с этими событиями, самые разные люди – эксперты и обычные граждане – стали упоминать в своих блогах 1937 год и сопоставлять его события с современной ситуацией. Никакой практической пользы в таком сравнении нет, потому что сегодняшняя правовая система отличается от того, что существовало семьдесят пять лет назад.

Эти упоминания являются не чем иным, как симптомом неизжитого страха: население России опасается, что система осталась той же. В отсутствие доказательств того, что между современным обществом и сталинским периодом существует не только временная, но и институциональная, и правовая дистанция, в народе бытуют домыслы, страхи и сомнения. А вдруг ГУЛАГ может возродиться? Как известно, страхи не только усугубляют кризисы, но и порождают их. Как отсутствие доверия к банкам в экономике может обрушить банковскую систему, так и в правовой сфере страх повторения репрессий может оказать негативное влияние

на общество, спровоцировав новые волны эмиграции и пассивность у остального населения.

Общественная дискуссия о ГУЛАГе нужна для того, чтобы граждане разобрались в сходствах и отличиях между нынешним и советским периодом, что могло бы помочь более эффективно бороться за свои права сегодня. Письма-свидетельства заключенных, которые дошли до нас, преодолев множество преград, должны сыграть в этой общественной дискуссии важную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, Людмила. 1984. *История инакомыслия в СССР. Новейший период*. Бенсон: Хроника пресс.
- Ассман, Алейда. 2014. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Перевод с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.
- Даниэль, Александр. 1998. «Диссидентство – ускользающая культура». С. 111–124 в *РОССИЯ / RUSSIA*, Альманах 1(9) «Семидесятью как предмет истории русской культуры». М.: ОГИ.
- Право переписки*. 2014. Авторы-составители Елена Жемкова, Алёна Козлова, Николай Михайлов, Ирина Островская. М.: НИПЦ «Мемориал».
- Anstett, Elisabeth. 2009. “Un musée pour une anamnèse: De l’usage des œuvres d’art dans une muséographie de la Terreur.” Pp. 143–156 in *Le Goulag en héritage: Pour une anthropologie de la trace*, edited by Elisabeth Anstett and Luba Jurgenson. Paris: Editions Pétra.
- Applebaum, Anne. 2003. *Gulag: A History*. New York: Doubleday.
- David-Fox, Michael. 2006. “Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History.” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 54(4):535–555.
- Elie, Marc. 2013. “Khrushchev’s Gulag: The Soviet Penitentiary System after Stalin’s Death, 1953–1964.” Pp. 109–142 in *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s*, edited by Denis Kozlov and Eleonory Gilburd. Toronto: Toronto University Press.
- Etkind, Alexander. 2013. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gessat-Anstett, Elisabeth. 2007. *Une Atlantide russe: Anthropologie de la mémoire en Russie post-soviétique*. Paris: La Découverte.
- Gusejnova, Dina. 2013. “Shopping at Sizomag: The Internet as a Potemkin Village of Modern Russian Penal Practice.” *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 5(3):90–118.
- Scherrer, Jutta. 2006. “Russlands neue-alte Erinnerungsorte.” *Aus Politik und Zeitgeschichte*, March 10. Retrieved February 18, 2015 (<http://www.bpb.de/apuz/29874/russlands-neue-alte-erinnerungsorte?p=all>).
- Stephan, Anke. 2005. *Von der Küche auf den Roten Platz: Lebenswege sowjetischer Dissidentinnen*. Zurich: Pano Verlag.
- Vaissié, Cécile. 1999. *Pour votre liberté et pour la nôtre: Le combat des dissidents de Russie*. Paris: Robert Laffont.
- Viola, Lynne. 2007. *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin’s Special Settlements*. Oxford: Oxford University Press.
- Werth, Nicolas. 2007. *Cannibal Island: Death in a Siberian Gulag*. Translated by Steven Rendall. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Werth, Nicolas. 2009. “Le Goulag au prisme des archives.” Pp. 19–44 in *Le Goulag en héritage: Pour une anthropologie de la trace*, edited by Elisabeth Anstett and Luba Jurgenson. Paris: Editions Pétra.

HOW TO TRANSMIT THE EXPERIENCE OF THE GULAG BY MEANS OF HISTORICAL EXHIBITION: *THE RIGHT OF CORRESPONDENCE* IN MEMORIAL SOCIETY IN MOSCOW

Sofia Tchouikina

Sofia Tchouikina is an assistant professor in the Department of Slavonic Studies, University of Paris VIII Vincennes–Saint-Denis and an affiliate with the Institute for Social Studies of Politics (ISP) and the Centre for Russian, Caucasian, and Central European Studies (CERCEC), both in Paris. Address for correspondence: Université Paris VIII–Vincennes, Département des études slaves, 2 Rue de la Liberté, 93526, Saint-Denis, Cedex 02, France. sofia.tchouikina@gmail.com.

In contemporary Russia, nongovernmental organizations are in charge of the museification of the former Gulag camps and of the commemoration of the victims of Soviet-era repressions, while the state's action in this sphere is barely present. The exhibition *The Right of Correspondence* is organized by the International Memorial Civil Rights Society in Moscow. It is devoted to the communication of Soviet political prisoners with their relatives and friends in the 1920s–1980s. The uniqueness of the exhibits is attested by the fact that they were kept in family archives during the Soviet period and then were donated by the families to Memorial. The first part of the exhibition is devoted to the camps of the 1920s and to Stalin's Gulag (1930–1956), the second part to imprisoned dissidents of the post-Stalin period (1956–1986). This essay analyzes the contribution of this exhibition to contemporary historical and sociological discussions about the Gulag. The organization of the correspondence shows the dysfunctions of the Soviet penitentiary system. It also brings to light the long-term influence of the Gulag on the lives of the families of political prisoners and on society at large. The message of the exhibition is different from the dominant trend of the politics of history in contemporary Russia, which is increasingly normalizing the Stalinist period.

Keywords: Politics of History in Russia; Historical Exhibition; Gulag; Letters from the Gulag; Political Prisoners in the USSR; Mass Repressions in the USSR; Soviet Dissidents

REFERENCES

- Alekseeva, Liudmila. 1984. *Istoriia inakomyслиia v SSSR: Noveishii period*. Benson, VT: Khronika press.
- Anstett, Elisabeth. 2009. "Un musée pour une anamnèse: De l'usage des œuvres d'art dans une muséographie de la Terreur." Pp. 143–156 in *Le Goulag en héritage: Pour une anthropologie de la trace*, edited by Elisabeth Anstett and Luba Jurgenson. Paris: Editions Pétra.
- Applebaum, Anne. 2003. *Gulag: A History*. New York: Doubleday.
- Assmann, Aleida. 2014. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika*. Translated by Boris Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Daniel', Aleksandr. 1998. "Dissentstvo – uskol'zaiushchaia kul'tura." Pp. 111–124 in *ROSSIIA / RUSSIA*, Al'manakh 1(9) "Semidesiatye kak predmet istorii russkoi kul'tury." Moscow: OGI.
- David-Fox, Michael. 2006. "Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 54(4):535–555.
- Elie, Marc. 2013. "Khrushchev's Gulag: The Soviet Penitentiary System after Stalin's Death, 1953–1964." Pp. 109–142 in *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s*, edited by Denis Kozlov and Eleonory Gilburd. Toronto: Toronto University Press.
- Etkind, Alexander. 2013. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gessat-Anstett, Elisabeth. 2007. *Une Atlantide russe: Anthropologie de la mémoire en Russie post-soviétique*. Paris: La Découverte.
- Gusejnova, Dina. 2013. "Shopping at *Sizomag*: The Internet as a Potemkin Village of Modern Russian Penal Practice." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 5(3):90–118.
- Pravo perepiski*. 2014. Avtory-sostaviteli Elena Zhemkova, Alena Kozlova, Nikolai Mikhailov, and Irina Ostrovskaja. Moscow: NIPTs "Memorial."
- Scherrer, Jutta. 2006. "Russlands neue-alte Erinnerungsorte." *Aus Politik und Zeitgeschichte*, March 10. Retrieved February 18, 2015 (<http://www.bpb.de/apuz/29874/russlands-neue-alte-erinnerungsorte?p=all>).
- Stephan, Anke. 2005. *Von der Küche auf den Roten Platz: Lebenswege sowjetischer Dissidentinnen*. Zurich: Pano Verlag.
- Vaissié, Cécile. 1999. *Pour votre liberté et pour la nôtre: Le combat des dissidents de Russie*. Paris: Robert Laffont.
- Viola, Lynne. 2007. *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford: Oxford University Press.
- Werth, Nicolas. 2007. *Cannibal Island: Death in a Siberian Gulag*. Translated by Steven Rendall. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Werth, Nicolas. 2009. "Le Goulag au prisme des archives." Pp. 19–44 in *Le Goulag en héritage: Pour une anthropologie de la trace*, edited by Elisabeth Anstett and Luba Jurgenson. Paris: Editions Pétra.